

LANDSLIDE of the Norm

LANDSLIDE OF THE NORM

Linguistic Liberalisation and Literary Development
in Russia in the 1920s and 1990s

Fifth conference

NORM NEGOTIATIONS

Bergen, Solstrand · 16 – 20 September 2008

Abstracts

Living Norms

Henning Andersen, UCLA

The presentation mentions several types of norms and characterizes language norms from several points of view—in terms of conceptual categories, semiotically, and from the point of view of a theory of grammar. All three perspectives are relevant to an understanding of the formation of language norms through explicit, voluntary imposition or through implicit negotiation carried on in a practical metadialog. Both by their nature and by the manner of their formation language norms are similar to the norms of other cultural systems.

“Let’s Speak Russian!” Monitoring and Norm Negotiation in the Electronic Media

Michael Gorham, University of Florida

Discourses of purism are almost by definition highly charged ideologically, hypermarked statements that are heavily laden with pronouncements linking language to ethics, faith, and fidelity to national roots and tradition. It is, for this same reason, discourse on language that is largely of a rhetorical order and is less apt to be linked to more concrete practices of language correction and use. It may have some effect on the relatively narrow audience of purist moralizing, but purist declarations more often than not resemble the preacher preaching to the choir, or even to the small flock of parishioners who, in this case, comprise the readership of the specialty journals, academic publications, professional conferences where purist sentiments are most often expressed.

One may also justifiably question the degree to which sermons on language and morals influence concrete practices even of those who are listening. It is easy to imagine parishioners nodding approvingly at the sermons on Sundays and turning around on Monday to engage in the same morally suspect linguistic behavior that was damned in church the day before. A recent poll by VTsIOM (Press-vypusk no. 953 [26.V.08]) confirmed this gap between preaching and practice by showing that, while seventy eight percent of Russian respondents believed it was important to fight to purify Russian of profanity, sixty one percent nevertheless admitted to using bad language themselves. Perhaps as curiously, the same number who admitted to using profanity believed it was the government’s responsibility to do something about it, indicating either a sense of helplessness in the matter or a feeling of civic entitlement—as if taming bad language were just another form of social security.

I would submit that changes in speaking and writing habits are most likely to happen when speakers and writers have some concrete motivation to alter those habits, either because of peer or social pressures or due to the perception that in speech normalization there is some

element of economic gain—be it concrete or symbolic. And in those cases where the need or impulse is there, they are more likely to turn for guidance to peer groups, popular or professional guidebooks, newspaper columns, internet help sites, and dictionaries, than they are to sermons by Church and Literary fathers about the deadly consequences of foreign loans and *mat*. They want clarification of the rules—be they based in grammar, speech culture or etiquette—more clearly defined articulation of norms, not lectures about language and ethics.

In this paper, then, I examine more popularly cast and broadly circulated practices of language monitoring and “self-help” as forms of norm negotiation in order to better understand the dynamics of “normalization” in the context of a language culture in flux.

When Non-negotiation is the Norm: Aestheticist Stances in the 1920s and 1990s (Tsvetaeva and Sorokin)

Karin Grellz, University of Lund

While postmodern art in the West typically biased toward political and social issues, in post-Soviet societies it developed more aestheticist tendencies. Prominent examples within the literary field are Vladimir Sorokin in Russia and Mircea Cărtărescu in Romania. This sensitivity to any kind of utilitarian expectations on art—political and social as well as bourgeois—is a complex phenomenon that deserves special attention.

The study comprises the hallmarks and motives of post-Soviet, post-modern aestheticism, with Vladimir Sorokin as a prime example; it also includes a comparison to similar traits within Russian modernism with Marina Tsvetaeva as a case in point.

Tsvetaeva and Sorokin both experienced decisive sociopolitical changes accompanied by epoch-making normative shifts in arts and culture. Tsvetaeva witnessed the Russian revolution and the breakthrough of modernism in art; Sorokin saw *glasnost*' and *perestroika* and the introduction of postmodernism in Russia. In both cases, the new art was an integrated part of the political change, and later both artists have become representative of the norm-breaking aesthetics associated with the new political order.

However, as artists they both matured only in the aftermaths of these paradigmatic changes. Although they in effect just exploited an already gained artistic freedom and an aesthetics that had been accepted as a part of the political change, Tsvetaeva in the 1920s was denounced as decadent and hysterical, while Sorokin, due to the offensive content of his texts, was met with a veritable campaign of hatred in Russia of the late 1990s. Apparently, the actual norm-violation this time did not consist in any aesthetic novelties, but in an ethical standpoint—a pronounced and dogged refusal to let go of the gained artistic freedom and subordinate to normative or utilitarian demands.

Русский язык на грани нервного срыва—Krongauz’s Verdict and its Reactions

Daniela S. Hristova, University of Chicago

In recent years, the state of the Modern Russian language has been among the most fervently discussed topics in the Russian sociocultural space. The scale of opinions extends from a bitter outcry that the language is dying out and needs to be saved to a relaxed outlook that всё хорошо. In his 2007 book, *Русский язык на грани нервного срыва*, Maksim Krongauz attempts not only to find the middle ground between those two extremes but also give the linguist’s answer to the question, “What happened?” The talk draws attention to Krongauz’ main linguistic concerns as compared to those left out in his book. In addition, the talk critically assesses the author’s understanding of how language changes.

Мертвенность нормы: О философской эстетике Пастернака

Peter Alberg Jensen, University of Stockholm

Согласно философской эстетике молодого Бориса Пастернака, творчество—процесс реактивный скорее чем конструктивный: Поэт творит в ответ на воздействие самих вещей, «жизни», на него. В принципе подражательной реакции заключается близость творчества к мимикрии, которую Пастернак раскроет в романе *Доктор Живаго*. Сама по себе идея о подражательном начале искусства как будто бы гармонирует с понятием «нормы». Вместе с тем, однако, то, что поэт «подражает», т.е. то, что заставляет его отреагировать творчеством, как раз *не* норма, а, напротив, «мир, который стал сам не свой»: для молодого Пастернака именно не-нормальность, точнее—не-наместность—вещей делает их *действительными*. В докладе я попытаюсь прояснить это сочетание подражания со смещением и заложенную в нем идею о мертвенности нормы.

«Оползень Опояза»: Образ оползня нормы в научно-критическом творчестве формалистов

Heinrich Kirschbaum, Universities of Passau/Regensburg

В работах формалистов у образа-термина «оползня»—своя полувековая разножанровая история, от научно-критических откликов Ю.Н. Тынянова на современную литературу (1924) до мемуарных реконструкций «оползня Опояза» конца 1920-х годов в воспоминаниях Р.О. Якобсона (1973). Пик употребления образа, в том числе и в форме «оползень нормы» (или «оползень норм»), взятого в подзаголовок нашей конференции, приходится на две статьи Якобсона первой половины 1930-х годов. Первой из этих статей—«О поколении, растратившем своих поэтов» (1930), представляющей собой эмоциональный, инвективный отклик-выкрик на самоубийство Маяковского,—Якобсон практически лишил себя возможности возвращения в Россию. Во второй интересующей нас статье («Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion», 1934), посвященной вопросам языковой политики в Советском Союзе, Якобсон-литературовед выдвигает апологию нормирования языка, опирающуюся на положения формализма, а Якобсон-языковед критикует националистско-сепаратистские тенденции в украинском и белорусском языкознании. С чем была связана эта попытка «реабилитации» в глазах вершителей языковой и литературной политики СССР? Какую роль при этом сыграл образ-термин «оползня нормы»?

В нашем докладе мы намереваемся реконструировать историю употребления образа оползня в критике и самокритике формалистов и показать ее ключевое значение для понимания воззрений Якобсона 1930-х годов вообще, и статьи 1934 года в частности. Положения этой статьи до сих пор не вошли в историко-научную якобсониану. С одной стороны, мы надеемся заполнить этот пробел в опозоведении, с другой, обозначить концептуально-терминологический потенциал образа «оползня нормы».

Performative Metalanguage: Negotiating Norms Through Verbal Action

Ingunn Lunde, University of Bergen

The point of departure for this paper is a general distinction between two forms of metalanguage. While it is clear that statements about language may be expressed straightforwardly by making comments that relate explicitly to language (this is the most common understanding of *metalanguage* or *metadiscourse* in sociolinguistics), statements about similar issues can also be voiced in and through *concrete linguistic practices*. The distinction is not a binary one, and these two forms of metalanguage can easily overlap. Both ways of negotiating (in a broad sense) the linguistic norms of contemporary Russian can be found in Russia today, often in combination. I will call the latter form *performative metalanguage*. After an ultrashort prehistory of performative metalanguage in Russian culture, I shall illustrate my point with a few examples, including *diuponizmy*, jokes and literary fiction. If time permits, I will also point to cases where one can study the gap between explicit metalinguistic statements and metalinguistic performance.

«Я не употребляю древние вводные слова...» (судьба вводных конструкций в русском языке последнего десятилетия)

Elena Markasova, St Petersburg University

В языке последнего десятилетия (1998–2008) происходит изменение традиционного состава вводных слов и словосочетаний. В докладе речь пойдет о том, как носители языка воспринимают этот процесс, как он проявляется в языке повседневного общения, отражается в Интернете.

Особый интерес для работы представляли частные высказывания-рефлексивы филологов и не филологов, заинтересовавшихся этой темой, и результаты анкетирования, проводившегося в 2007 и 2008 гг. Информанты высказали соображения о том, какие вводные слова «раздражают», «бесят», «старомодны», «вышли из моды», «не нравятся», «выглядят странно» (варианты: глупо, довольно глупо, бессмысленно, по-старинному, по-деревенски, непонятно), «сейчас не встречаются», «встречаются где-нибудь в литературе девятнадцатого века», «не употребляются в силу возраста». На основе этих высказываний были выявлены вводные слова и словосочетания, наиболее часто оцениваемые негативно, и группа ВК, не получивших никаких оценок. Эти вводные конструкции, видимо, могут, с точки зрения информантов, считаться нормативными по умолчанию.

В докладе анализируется состав двух получившихся групп вводных конструкций, суждения и оценки информантов систематизируются и верифицируются на основе сопоставления данных устных и письменных источников. Материалом для исследования послужили данные «Национального корпуса русского языка» и корпуса звучащей речи «Один речевой день (SPEECHDAY)», информация сайтов www.vkontakte.ru, www.odnoklassniki.ru и некоторых форумов. Особое внимание уделяется судьбе вводных конструкций, выражающих отношение говорящего к способу подачи информации, особенностям оформления мысли, логике повествования.

Окказиональная метонимия, основанная на формальном сходстве слов

Boris Norman, Universities of Minsk/Helsinki

Явление метонимии в лексике, как известно, основывается на пространственной или временной смежности предметов и/или понятий. Классическими образцами метонимии для русского языка служат случаи типа *аудитория* ‘помещение’—*аудитория* ‘слушатели’. Однако в современном языке нередки случаи, когда перенос значения происходит исключительно благодаря формальному сходству слов, семантически между собой не связанных. Исходной сферой (эпицентром) таких семантических сдвигов служат жаргоны. Именно здесь, в условиях господства криптонимической и фатической функции, появились такие слова, как *лимон* ‘миллион’, *шпора* ‘шпаргалка’, *удочка* ‘удовлетворительно’, *стёпа* ‘стипендия’, *совок* ‘Советский Союз’ или ‘советский человек’, *комок* ‘комиссионный магазин’, *фанера* ‘фонограмма’, *шампунь* ‘шампанское’, *самопальный* ‘самодельный’, *дальнобойщик* ‘водитель, перевозящий грузы на дальние расстояния’, *затариться* ‘закупить, запастись товарами’, *клава* ‘клавиатура’, *нарком* ‘наркоман’, а в самые последние годы также *кулек* ‘институт культуры’, *стопудово* ‘стопроцентно’, *безбашенный* ‘бесшабашный’, *мерин* ‘мерседес’, *авдотья* ‘ауди’ и т.п.

Подобные примеры создают своего рода прецедент для окказиональных семантических переносов, которые не фиксируются словарями, но во множестве представлены в современной периодической печати. Примеры из нашего материала: *уклонизм* ‘клонирование’, *конвертируемый* ‘помещаемый в конверт’, *надомник* ‘член партии «Наш дом—Россия»’, *отшибленный*—‘расположенный на отшибе’, *школьник*—‘имеющий отношение к школе’, *разнотравье*—‘разнообразие’ и т.п. Это говорит о том, что путь развития семантики слова с «опорой на форму» оказывается неслучайным и должен занять свое место в общей типологии наи-

менования. Причем, в отличие от так называемой народной этимологии, вторичная семантизация с опорой на форму является вполне осознанным нарушением нормы.

Кроме распространения жаргонных тенденций на иные стили речи и активизации словообразовательных моделей с «приращением значения», в подобных новообразованиях можно видеть общую психологическую установку на ослабление связи между двумя сторонами языкового знака. Это «размягчение» слова находится в несомненной связи с движением русского языка в сторону экспрессивизации, повышения доли игровой составляющей, речевого раскрепощения говорящего. В рамках этой тенденции уместается и то, что называют «протестным речевым поведением» (имеются в виду различные формы языкового эпатажа, стёба, словесной агрессии, передразнивания и т.п.).

Norm Negotiations in Post-Soviet Language Debates

Martin Paulsen, University of Bergen

Talking *about* language is an essential activity in any language community. This appears to be particularly true for the Russian language community in the post-Soviet era. This metadiscourse on language takes on different forms and relates to language in different ways; some metalinguistic statements relate to specific utterances, whereas others make claims about the language in general.

In this paper I shall start by providing a brief discussion of this metalogue on language, and point out some of the various forms it takes. Rather than a full-fledged typology of metalanguage, I intend to give some clues to the variability of metalinguistic statements. This discussion will be based on a review of the literature on metalanguage, from Jakobson via Andersen to Preston.

Thereafter I go on to look at examples of one specific aspect of this metadiscourse on language, which I shall call “explicit norm negotiations,” in the post-Soviet Russian language community. My examples will be taken from literary reviews discussing publications by Viktor Erofeev, Vladimir Sorokin and Viktor Pelevin.

Literature

- Andersen, Henning, 1989, Understanding Linguistic Innovations, *Language Change: Contributions to the Study of its Causes*, ed. L.E. Breivik & E.H. Jahr, Berlin, pp. 5–28.
- Jakobson, Roman, 1981 [1960], Linguistics and Poetics, Roman Jakobson—*Selected Writings. III: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry*, ed. S. Rudy, The Hague, pp. 18–51.
- Jakobson, Roman, 1985 [1976], Metalanguage as a Linguistic Problem, Roman Jakobson—*Selected Writings. VII: Contributions to Comparative Mythology. Studies in Linguistics and Philology, 1972–1982*, ed. S. Rudy, The Hague, pp. 113–21.
- Jaworski, Adam, Nikolas Coupland, and Dariusz Galasiński, eds. 2004, *Metalanguage: Social and Ideological Perspectives*, Berlin & New York.

- Paulsen, Martin, 2006, Criticizing Pelevin's Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin's Novel *Generation "P"*, *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia*, ed. I. Lunde & T. Roesen, Bergen, pp. 143–58.
- Preston, Dennis R. 2004, Folk Metalanguage, *Metalanguage: Social and Ideological Perspectives*, ed. A. Jaworski, et al., Berlin & New York, pp. 75–101.

The Old Man's New Language: Semantic Shifts and Linguistic Counteractions in Aleksei Slapovsky's *Oni* (2005)"

Tine Roesen, University of Bergen

Он давно догадывался об оккупации, но окончательное прозрение пришло однажды в отделении Сбербанка, куда он пришел получать пенсию. Он стоял в очереди, читал от скуки информацию и объявления, и вдруг его как ударило. Над одним из окон висела бумажка: «ОБСЛУЖИВАНИЕ КЛИЕНТОВ ПОСТРАДАВШИХ ОТ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ». М.М. перечитывал это раз десять. И понял. То есть он тогда не понял, что именно он понял, но было ощущение озарения. Жертвы (или люди, или пусть худшее, но терпимое—«лица») превратились в холодное и деловитое—«клиенты». Фашизм превратился в национал-социализм. То же, да не то. Великая Отечественная превратилась во Вторую мировую, что отчасти верно по форме и совершенно неверно по сути! И даже презрительное отсутствие запятой после «клиентов» показалось М.М. многозначительным намеком на то, что теперь—можно. Что именно можно, он не понял и, если честно, не понимает до сих пор. Но—можно.

This experience of the linguistic landslide of the norm belongs to Mikhail Mikhailovich Nemeshev, a 67-year-old pensioner living in Moscow and one of the main characters in Aleksei Slapovsky's novel *Oni*. М.М., as he prefers to think of himself, is shocked and troubled not only by new words usurping the place of old one's, but by the general semantic unreliability of the signs—linguistic and others—that surround him and by which he must somehow navigate. Notwithstanding the accompanying paranoia, his analyses of these signs bear witness to heightened semiotic and linguistic sensitivities and give us a fascinating insider's view of ongoing semantic shifts. In particular, М.М. is sensitive to what

I, with a view to Lew Zybatow, would call the radical destabilisation of word-related stereotypes. An example is M.M.'s observation that some Russian words seem to have lost their connotations:

Но загвоздка в том, что и родные слова будто кто-то подменил. Уже слово утро не кажется ясным и зовущим, день не видится звонким и наполненным, вечер не томит тревогой радости, все стало только лишь сменой времени суток...

Of course, going on pension may have had its say here, but M.M.'s linguistic analysis goes far beyond his personal situation, in fact, it goes all the way to theories about an undisclosed occupation of his country. M.M. is uncertain as to his own role in the secret regime: he fears to be one of its supporters, but also to be found out as subversive. This uncertainty inhibits his every action, but there is one front on which he remains focused and where he puts up a strong fight, and that is the linguistic one. Through his lexical creativity, safe command of semantic nuances and discreet "stereotypical" counterattacks, M.M. tries to establish his own reliable norm.

References

Aleksei Slapovskii, 2005, *Oni*, Moscow: Eksmo.

Lew N. Zybatow, 1995, *Russisch im Wandel: Die russische Sprache seit der Perestrojka*, Wiesbaden: Harrassowitz.

Norms of Political and Linguistic Marginality

Lara Ryazanova-Clarke, University of Edinburgh

The paper examines the marginal and oppositional counter-discourses and their negotiation of the normative meanings constructed in the dominant discourse. The case study offered for this presentation is the political satire of Vladimir Shenderovich. Metalinguistic narrative is a type of satire regularly used by Shenderovich, whereby the satirist makes a political comment through his discussion of language use in the dominant discourse and in rephrasing it. Contestation between the marginal meanings produced by the counter-discourse and the “normative” dominant meanings is examined and conclusions on the connection between the linguistic and the political marginality are to be made.

The Compliance with and Imposition of Social and Linguistic Norms from Sorokin's *Norma* to his *Den' oprichnika*

Dirk Uffelmann, University of Passau

As is evident from Sorokin's early novel *Norma* (1984) the concept of social norms has intrigued this writer from the very beginning of his literary career. In *Norma* we witness the unquestioned functioning of social norms on various levels of the social life in a repressive system. The novel has eight parts which confront us with various but in every part uniform uses of the words *norma* and *normal'no* and with redundant contexts of consumption of a product called *norma*—dried faeces—which people swallow. This again is nothing else than the materialisation of a vulgar linguistic metaphor—*derma naest'sia* or *nakhlebat'sia*.

By contrast to this “classical” conceptualist device, in Sorokin's 2006 short novel *Den' oprichnika* the norm neither appears on the lexical level nor works as generative materialised metaphor. What Sorokin demonstrates here is the means by which social norms are imposed in a dystopian neo-totalitarian society. By the use of the vantage point of a guardsman, an instrument of a relatively young repressive system, the reader's attention is focused on the moments in social life where the all-encompassing new norm does not yet work properly and needs to be enforced by violence. Among the norms brutally imposed by the guardsmen, however, there are linguistic taboos once again: above all the hypocritical taboo of using vulgar language.

In my paper I aim at contextualising the divergent ways of norm execution in these two novels with norm reproduction in the late Soviet Union and with the centralisation of linguistic norm negotiations under the Putin administration.

Лингвистическая судебная экспертиза в современной России и нормативная интерпретация закона

Daniel Weiss, University of Zürich

Much as in Great Britain or the US, forensic linguistics provides a well-established and generally accepted auxiliary tool in post-Soviet Russian legal practice. My talk will be devoted to the role linguists play as experts in penal and civil law suits: how can they influence the interpretation of legal terms and their application to the case in question? The analysis focuses mainly on verbal offences against the personal honour and dignity (abuses, calumny) recently having occurred in politics and show business, among them some “causes célèbres”; further topics to be discussed will be plagiarisms and so-called acts against the national unity (attempts to foment ethnic conflicts). Finally, a brief look will be given to the linguistic clarification of technical terms occurring in legal documents (agreements, contracts).

Pasternak's *Iskazhenie* and the Practice of Creative Evolution

Susanna Witt, Stockholm University

Within the Russian Avant-garde, and particularly in the context of Futurism, the artistic position of Boris Pasternak stands out as non-iconoclastic, evolutionary rather than revolutionary in character. The statement ascribed to Iurii Zhivago in Pasternak's novel, that in art, as distinct from science, "forward steps are made by attraction" has a distinct bearing not only on the novel itself but on Pasternak's own creative experience from its very beginnings.

Nevertheless, in Pasternak's oeuvre one can identify a whole paradigm of words/concepts pertaining to creativity in general and/or creative processes in particular that imply a departure from/a deviation from perceived norms, such as:

smeshchenie

iskazhenie

namerennaia svoboda

This paper intends to examine the character of such concepts in relationship to Pasternak's poetical practice as well as his translation practice within the framework of recent research dealing with Pasternak's "ontology of the word" (Vroon 2007).

Чтобы не говорить лексикой (динамика эвфемизмов)

Liudmila Zubova, St Petersburg University

В докладе рассматривается деструктивная роль эвфемизмов, которые, вопреки своему назначению смягчать резкие выражения, становятся сначала агрессорами, вытесняющими вполне невинную и очень нужную лексику, а потом и жертвами в цепочках переименований, вызванных обычно социальными и психологическими причинами.

При употреблении нейтральных слов, которые участвуют не только в прямой, но и в косвенной номинации (*жить, спать, иметь, дать, кончить, голубой, критические дни, пригласить в музей, травка, хрен, член, перец*) часто требуется осторожность, чтобы избежать нечаянной двусмысленности. Это результат расширения значения. Осторожность приводит к все более ограниченному неэвфемистическому употреблению таких слов.

Лексика, которая до выполнения ею заместительной функции не являлась ни грубой, ни обидной и не имела никакого отношения к табуированным сферам номинации, пополняет низовой лексикон языка. Вслед за расширением значения таких слов происходит его сужение, и на эти слова тоже накладывается этикетный запрет. Так произошло, например, со словами *блядь, сношение, совокупляться, идиот, дебил, хер*. Появляются новые эвфемизмы, которые в свою очередь, тоже огрубляются, и этот процесс бесконечен. В теле- и радиопередачах неприличное звучание приобрел даже звуковой сигнал (*бин*), заглушающий мат.

Таким образом, эвфемизмы являются, может быть, самыми динамичными элементами лексической системы.

Часто эвфемизмы выполняют не только этикетную, но и эстетическую функцию, иногда наглядная образность таких иносказаний особенно резко и цинично вульгаризирует вторичную номинацию, превращая эвфемизмы в дисфемизмы (*кувыркаться*).

Однако процесс вульгаризации эвфемизмов не однонаправлен:

некоторые из них теряют ассоциативную связь с производящим неприличным словом (*ёлки-палки, блин*) и действительно смягчают остроту высказывания.

Современная жизнь значительно ускоряет вытеснение прямых значений слов переносными. Этому способствует активность языкового манипулирования в политике, экономике, сфере производства (*зачистка, нецелевое расходование средств, продукция социальных сортов, офис-менеджер*), рекламные клише (*почувствовать разницу*), склонность журналистики к метафорам и перифразам, жеманство в риторике гламура (*зона бикини*), требования политкорректности (*альтернативно одаренный человек*).

Взгляд на современное словоупотребление позволяет наблюдать, как социально ограниченные запреты расширяют свою территорию и влияют на общеупотребительный язык. Например, во всех телепередачах ведущие теперь говорят гостям не *садитесь*, а *присаживайтесь*—под влиянием табу тюремного происхождения.

Существенно и то, что в результате возросшей языковой рефлексии, а нередко и массового творчески-игрового отношения к слову, современный носитель русского языка настроен на каламбурное восприятие речевых актов, поэтому насмешку могут встретить не только омофоны непристойных слов (*мне недосуг*), но и нередко и слова, созвучные с вульгаризмами, рифмующиеся с ними и эквиритмичные им (*звезда, абзац*).

Внутриязыковым фактором эвфемизации слова и сужения его значения является тенденция языка к эллиптичности высказывания (компрессия). Механизм умолчания весьма нагляден в выражении *говорить лексикой*. Это результат свертывания эвфемизма *говорить ненормативной лексикой*, совершенно игнорирующий тот факт, что лексика, в том числе и ненормативная,—не только мат (например, просторечное *ложить*, диалектное *галиться* ‘насмехаться’).

«Език падонкафф»: Дискуссии пользователей Рунета

Vera Zvereva, RGGU, Moscow

Феномен нового языка Рунета («языка падонкафф») может быть рассмотрен в контекстах становления культуры новых медиа в России, специфических политико-идеологических трансформаций 2000-х гг., а также культуры потребления. В докладе внимание уделяется не столько соотношению этого языка с инновациями в литературной практике, сколько самому процессу распространения новых языковых норм в широкой среде пользователей Интернета. В нем характеризуются изменения в способах бытования этого языка, произошедшие за последние десять лет; отмечается отсутствие моральной паники в обществе по отношению к «языку падонкафф»; анализируются причины, по которым в последние годы стал возможным процесс «нормализации» этого языка и его активной ассимиляции в массовой культуре.

Основное место в докладе занимает исследование дискуссий о новых языковых нормах, идущих в среде самих Интернет-юзеров. В этих спорах выделяется набор «общих мест», тезисов и аргументов, звучащих в речи сторонников и противников языковых трансформаций.

Топосы дискуссий

Зачем нужен этот язык?—Как правило, помимо аргумента «это прикольно», сторонники «падонкаффского языка» приводят несколько соображений. 1. О прагматичности его орфографии, дающей возможность писать быстрее (что в условиях И-нета значит «лучше») и приблизить письмо к устной коммуникации. 2. О технологическом удобстве искажений, позволяющих преодолевать фильтры на сайтах, избегать индексации в поисковых системах. 3. Об усталости от нормативности орфографии. Пользователи говорят о желании выразить в языке свою внутреннюю свободу, демонстративно отойти от нормы (возможно, в качестве компенсации за конформизм в «реальной жизни»). 4. По мнению части

юзеров, использование «языка» (творческое или подражательное) позволяет провести демаркационные линии между «элитой» и «офисным планктоном», писателями и читателями, установить иерархию пользователей Рунета.

Вопрос о принадлежности «языка».—В Рунете проговаривается несколько версий того, кому принадлежит новый язык, кто может считаться его «аффтарами» и их легитимными наследниками. Споры направлены на присвоение языка той или иной группой пользователей, на обоснование особого статуса своего сообщества. В рамках таких дебатов возникает потребность упорядочить новую лексику и орфографию, составить лучшую генеалогию «языка», представить более детальную историю «славных дней» и легендарных веб-ресурсов 1990-х годов. Авторы или выступают в роли первых свидетелей, «старых юзеров», претендуют на лучшее владение «языком»; или рассматривают его как особый, специализированный язык субкультуры Интернета, непонятный непосвященным.

Тезис об интеллектуальности «падонкафф».—Образы тех, кто пишет на «языке падонкафф», противоположны: это либо необразованные «дебилы», либо «интеллектуалы». Тезис «это язык неграмотных» часто оспаривается; сторонники «языка» акцентируют внимание на том, что последовательная порча норм правописания возможна для тех, кто хорошо знает правила и может их творчески исказить. Это соображение позволяет повысить статус новой орфографии и тех, кто ее использует. Подразумевается, что при выборе «языка» происходит осознанное переключение регистров, что требует образованности и высокого уровня саморефлексии.

Тезис о порче языка.—Отдельного внимания заслуживают популярные дебаты о «порче языка». Противники «падонкаффского» сленга предлагают видеть в распространении новых правил письма сознательную «вредительскую» акцию, направленную против

«великой русской литературы» и «языка Пушкина», отождествляемых с главной национальной ценностью. По мнению приверженцев этой позиции, 1. «насаждение» искаженных норм орфографии служит распространению неграмотности в обществе, снижению культурного уровня и работает на «духовное обеднение нации». 2. Внимание обращается на симбиоз неграмотности и особого стилистического цинизма «падонкафф», на широкое использование матерной лексики, ее перевод в ранг литературной конвенции. В этой связи, упрочение позиций «языка» оценивается в морально-нравственных категориях. 3. Считается, что распространение субкультурного языка ведет к отчуждению молодежи и установлению лингвистического барьера между детьми и родителями.

Сторонники этих рассуждений не склонны проводить различие между новым языком Интернета, разновидностями «оффлайнового» сленга и языками молодежных телевизионных программ.—Такие аргументы становятся частью популярного в российском обществе дискурса «осуждения упадка культуры».

В самом Рунете в последние годы определенной популярностью пользовалась кампания «Я умею говорить по-русски», направленная непосредственно против «аффтатов». В отличие от общих сетований о культурном упадке, она была выражена на языке новых медиа.

Тезис о развитии языка.—Используется в ответ на обвинения в порче языковых норм. Защитники «языка» приводят аргумент, согласно которому русский язык не может оставаться неизменным и должен развиваться. Преобразование орфографии в Рунете описывается как «естественное» продолжение больших языковых реформ в русской культуре (реформ времен Петра I, изменения дореволюционной орфографии). Так, «язык падонкафф» не только нормализуется, но и включается в историческую перспективу.

Это видение вступает в противоречие с другим толкованием новой орфографии—как моды, преходящей и, возможно, уже закончившейся. Иначе говоря, на вопрос о месте «языка» в культу-

ре пользователи отвечают по-разному, помещая его в структуры большой длительности или указывая на сиюминутность обращения к искаженному языку, обосновывая его закономерность (из-за изобретения нового средства коммуникации, глобализации и т.п.) или объясняя этот феномен следованием массовому увлечению.

Тезис «ничего страшного»—отражает стремление к нормализации «языка падонкафф». Как правило, он проговаривается вне общества пользователей, нередко его можно услышать от лингвистов. Подразумевается, что языковые изменения естественны, так же как и особые языки субкультур. Особенность «языка» в том, что на нем лишь пишут, но не говорят; важно, чтобы язык Интернета оставался в пределах форумов и блогов, не транслировался в «старые медиа», и т.п. «Езык» часто характеризуется как «молодежный жаргон», к которому до поры «стоит относиться терпимо», пока он не вытесняет «литературные нормы».

Тезис об антирусской акции.—«Езык падонкафф» используется сторонниками разных идеологических позиций. Приверженцы «русской самобытности» и изоляционизма высказывают мнения о его «антипатриотическом характере»: изменение нормы понимается как «русофобство». В то же время, говорится о том, что «сохранение нашего языка и культуры возможно только русскими»; это соображение отсылает к «патриотическому» дискурсу, рассуждениям об иммигрантах и представителях других этносов, испытывающих ненависть к славянской культуре.

Парадоксальным образом «патриоты» в Рунете могут, наоборот, рассматривать «езык» как средство защиты от иностранцев, которым «не дано» в тонкостях понимать русскую речь. (В качестве примера можно привести ставшую легендарной в Рунете акцию «учи олбанский»).

В то же время, ряд изначальных гомо- и юдофобских значений, закрепленных в языке «падонкафф», в последнее время подвергается осознанной инверсии.

Вопрос о контркультурной направленности нового языка вызывает дискуссии внутри сообщества. Она разворачивается вокруг двух «Манифестаффов» — «антиграмотности» и «падонкаффа». Одни пользователи, соотносящие себя с «падонками», считают искажение языковой нормы протестом против Системы и властей. Другие указывают на недостаточно радикальный характер манифеста, на его имитационную природу. Следует отметить, что изначально «язык» выстраивался не на идеях сопротивления или контркультурности, а на основе общности ограниченного круга пользователей новых технологий, Интернета. Идея сопротивления Системе была привнесена задним числом, что неизбежно сказывается на противоречивости текста «Манифеста падонкаффа». На отсутствие контркультурной направленности указывает и легкое включение сторонников «падонкаффа» в языковые игры с властью в ходе Интернет-конференций В. Путина и Д. Медведева в 2006–7 гг.

Тезис об омассовлении языка падонкаффа все чаще звучит в последнее время от приверженцев новых языковых норм. Здесь говорится о замыкании и обособлении элиты «аффтаров», их включении в индустрию коммерческой литературы; отмечается широкое заимствование «языка» в рекламе для продвижения брендов. В текстах пользователей отмечается, что «язык падонкаффа» перестал быть феноменом суб- или контркультуры, и сделался одним из общепризнанных языков массовой культуры, утратив свою свежесть и привлекательность.

Participants

Henning Andersen · Los Angeles · andersen@ucla.edu

Michael S. Gorham · Florida · mgorham@germslav.ufl.edu

Karin Grell · Lund · karin.grell@slav.lu.se

Daniela S. Hristova · Chicago · dhristov@uchicago.edu

Peter Alberg Jensen · Stockholm · paj@slav.su.se

Heinrich Kirschbaum · Passau/Regensburg · heinrich.kirschbaum@uni-passau.de

Ingunn Lunde · Bergen · ingunn.lunde@if.uib.no

Elena Markasova · St Petersburg · markasovaelena@yandex.ru

Boris Norman · Minsk/Helsinki · boris.norman@helsinki.fi

Martin Paulsen · Bergen · martin.paulsen@if.uib.no

Tine Roesen · Bergen/Copenhagen · tine.roesen@if.uib.no

Lara Ryazanova-Clarke · Edinburgh · lara.ryazanova-clarke@ed.ac.uk

Dirk Uffelmann · Passau · dirk.uffelmann@uni-passau.de

Daniel Weiss · Zürich · daw@slav.unizh.ch

Susanna Witt · Stockholm · sanna.witt@slav.su.se

Ljudmila Zubova · St Petersburg · l-zubova@yandex.ru

Vera Zvereva · Moscow · zverca@mail.ru